

Владимир Псарев

В земле Российской Просиявший

ПОВЕСТЬ

16+

Владимир Псарев

В земле Российской Просиявший

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Псарев В. Е.

В земле Российской Просиявший / В. Е. Псарев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Повесть к столетию гибели последнего русского патриота - Александра Васильевича Колчака. Это художественное произведение не только краткая его биография, но и объёмный срез по истории России начала XX века, которое, хотелось бы верить, откроет вам некоторые интересные факты и заставит заинтересоваться вещами, которые в нем озвучены, но подробно не объяснены.

Глава Первая. Красные дни

*«Передо мной, не в маршальском мундире,
Каким для всех запечатлен на век,
А в чем-нибудь помягче и пошире,
По вечерам один в своей квартире
Такой усталый старый человек...»*

А.В. Тимирёва, 1970 год

1.

Село Александровское, теперь являющееся частью Невского района Санкт-Петербурга, в эти годы ещё не было столицей ни фактически, ни административно, живя своей жизнью. В восемнадцатом веке оно принадлежало генерал-прокурору, доверенному советнику императрицы Екатерины Второй, неподкупному казначею Александру Алексеевичу Вяземскому, благодаря которому и получило своё название. До второй трети девятнадцатого века здесь проходил Шлиссельбургский почтовый тракт. Позже стало применяться название исходя из его направления – Архангелогородский.

После отмены крепостного права тут был основан Обуховский сталелитейный завод, национализированный позднее императором Александром Третьим. Приёмом продукции, основным заказчиком которой выступало государство, практически с самого момента открытия занимался офицер-артиллерист, ветеран Крымской войны Василий Иванович Колчак, потом произведённый в генерал-майоры, и посвятивший развитию предприятия четыре десятка лет своей жизни. Его жена, девятнадцатилетняя Ольга Ильинична, урождённая Посохова, четвёртого ноября одна тысяча восемьсот семьдесят четвёртого года родила ему сына, которого было решено наречь Сашей.

Стоял промозглый декабрьский день. Мокрый снег и ветра Финского залива превращали даже небольшой минус в суровую сибирскую зиму. В приходской Троицкой церкви села Александровское собралось много народу. Округлое помещение основного зала заливал тусклый свет лампад, за большими окнами завывала природа, стучала озябшими ветвями по стеклу.

Василий Иванович, облачённый по своей привычке в военную форму, стоял поодаль ближе ко входу рядом со своим братом Александром, морским штабс-капитаном. Здесь же находились и другие родственники, а также коллеги с его стороны. Близких людей жены было немного – только мать и сестра, а также восприемница Дарья Филипповна, вдова коллежского секретаря, державшая в руках крохотную нательную рубашку. Ольга Ильинична с закутанным в ткани маленьким Сашенькой стояла впереди всех, ожидая, когда настоятель будет готов начать. Мальчик время от времени громко всхлипывал, и мама качала его на руках, нащёптывая о том, что любит его, и целуя в лоб.

Из алтаря по амвону спустился батюшка, призывая главных участников таинства. Младенец был бережно передан в руки подошедшей Дарье Филипповне. Ближе к алтарю выдвинулся и Александр Иванович, которому будущая крестница отдала рубашку. Ребёнка поднесли ближе, и тогда протоиерей принялся читать оглашение, трижды крестообразно обдув лицо малыша. Пришло время переходить к обряду отречения от дьявола.

Видя волнение супруги, Василий Иванович склонился к ней:

– Саши справятся, дорогая.

– Может надо было позже? – подняла на него глаза женщина.

– Первородный грех, – последовал короткий тихий ответ.

Крёстные родители сначала синхронно подтвердили за крестника факт его отречения от Сатаны, а затем поочерёдно по памяти озвучили двенадцать столпов христианской веры, в которые посвящали своего духовного сына. Голоса эхом отражались от округлых стен и терялись где-то под куполом:

– Мы верим в Бога, Творца всего живого и неживого, Неба и Земли...

Всё это время Ольга левой рукой мяла подол правого рукава пальто, радуясь и одновременно переживая. Её и саму крестили очень рано, но не будучи слишком набожной девушкой, достаточно рано испытав счастье материнства, всё равно спокойна не была – вода наверняка холодная.

– Все мёртвые воскреснут во время Второго Пришествия Христа на Землю, и каждому из них будет отведено Богом заслуженное место на Небе – рай или ад, вечные мучения или бесконечная радость и жизнь со Христом.

Что-то звонко упало в дальнем углу, обратив на себя внимание стоящих в последнем ряду.

– Истинно, да будет так! Аминь!

Маленького Сашу трижды окунули в заранее освещённую купель, быстро насухо обтёрли, и Александр Иванович аккуратно облачил его в рубашку и надел нательный крестик.

2.

Тринадцатилетние мальчишки – воспитанники младшей роты Морского кадетского корпуса – ожидали начальство в небольшом светлом зале жёлтых стен. Корпус, переведённый Павлом Первым из Кронштадта в Санкт-Петербург, располагался на Николаевской набережной Васильевского острова. Старейшее профессиональное учебное заведение империи готовило для службы флотских офицеров – мичманов, которые вот уже много поколений дорастали до самых высоких чинов Российского Императорского флота.

Первым в помещение вошёл старший лейтенант, и мальчики покорно встали. Безупречная осанка, гордость и блеск будущих побед, которых так не хотели их матери, вероятно привели бы в восторг неискущённого наблюдателя. После исполнения всех иерархических традиций лёгким движением руки офицер пригласил из коридора неизвестного. Мальчики радостно насторожились. Через порог перешагнул молодой смуглый парень, лет на пять их постарше и внешне на три порядка серьезнее. Хорошо поставленный шаг и идеальная выправка выдавали в нём человека значительной воли.

– Знакомьтесь, друзья. Это ваш новый наставник, фельдфебель – Александр Васильевич Колчак. Лучший на курсе по наукам и по поведению, сознательно выбравший морское дело после двух лет обучения в классической гимназии. В каком-то смысле наша гордость. Нам в своё время, дорогие мои, очень не хватало такого человека. Вам же повезло больше.

Офицер и унтер-офицер стояли плечом к плечу, сияя теснением на форме и погонах. Саша был на голову ниже. Более того, среди кадетов были мальчики почти одного с ним роста, несмотря на существенную разницу в возрасте, которая в этот жизненный период чувствуется во всех отношениях очень остро. Лёгкие восточные черты лица, крупный нос и массивный лоб, хищный взгляд, создававшие грозное впечатление, резко контрастировали с его доброй улыбкой. Он взглядом измерял каждого из своих подопечных, несколько раз останавливаясь на худощавом высоком пареньке. Офицер, представляя каждого из кадетов по именам, назвал его Михаилом Смирновым.

3.

Острое чувство ответственности за поступки, совершённые другим, но вовремя непредотвращённые тобой, достаточно редкое. Люди вменяют свою невинность вине другого индивида, сознательного и здравомыслящего, а мыслящего не здраво и вовсе, как повелось – не жалко.

После успешного выпуска из Морского корпуса и нескольких лет службы на Балтике, где мичман Александр Колчак набирался практического опыта, после плаваний на дальний Восток и попыток участия в полярных экспедициях, команды которых каждый раз оказывались

полностью укомплектованными, удача улыбнулась молодому офицеру, грезившему научными исследованиями и сделавшему на этом поприще первые теоретические шаги. Теоретические, но не практические. В последний год девятнадцатого столетия теперь уже лейтенант Колчак был приглашён бароном Эдуардом Васильевичем Толлем поучаствовать в качестве гидрографа в поиске легендарной земли Санникова, доказательств вымышленности которой на тот момент ещё обнаружено не было.

Вся экспедиция заняла два с половиной года, но из района Новосибирских островов вернулась не только не достигнув основной цели, но и без своего руководителя. Толль, отчаявшись найти землю Санникова, отправился в составе малой группы исследовать остров Беннета, но так и не вернулся.

Александр Колчак по возвращении в столицу настоял на организации не менее опасного предприятия, чем предприятие самого Толля, по поиску последнего. Судьба знаменитого исследователя волновала и Императорское Русское географическое общество, а потому организовать его удалось в кратчайшие сроки. Оно стоило для Софьи Омировой, невесты Колчака, с которой они познакомились на балу в Морском собрании тремя годами ранее, ещё полутора лет ожидания их свадьбы.

В феврале одна тысяча девятьсот третьего года лейтенант Колчак отправился в Иркутск, а оттуда – в Якутск, где и собрались все члены группы, с которой ему предстоял нелёгкий путь за Полярный круг. По реке Алдан они добрались до Верхоянска, а оттуда, перейдя два хребта, вышли к побережью Северного Ледовитого океана в районе селения Казачьего. Было уже начало мая, когда на шлюпках лейтенант с товарищами взяли курс на Новосибирские острова. Шли то под парусами, то на вёслах. Исследование заняло ещё три месяца, пока в начале августа Александр наконец не ступил на южный песчаный берег острова Беннета, оказавшегося на удачу свободным от ледяных торосов.

В августе земли в этих широтах уже стаивали, но на некоторых участках ледяные шапки всё же оставались. Все действия были доведены до автоматизма, и, несмотря на накопившуюся усталость, решили двигаться от берега незамедлительно.

Островок, названный в честь спонсора открывшей его экспедиции американца Джозефа Де-Лонга, в архипелаг имени которого он входит, Джеймса Гордона Беннета, очень небольшой – не более двадцати километров в ширину.

Сперва решили идти вдоль берега запад – к мысу Эммы. Всего порядка семи вёрст. В этих условиях было совсем не до субординации:

– Александр Васильевич, можно поинтересоваться? – спросил молодой коренастый мужчина в чёрном анорাকে, одногодок Колчака, постоянно ходивший за ним следом.

– Вам, Никифор Алексеевич, можно. Вы же боцман, – лейтенант хищно улыбнулся, приспуская капор.

– Если мы всё же ничего здесь не обнаружим, какие будут предположения?

– Полагаю, что они ушли в сторону материка по льду. Вернее, попытались. Я точно не могу сказать, сколько у них было пищи.

– А вы бы так сделали, Александр Васильевич? – вмешался в разговор матрос Ваня Иньков.

– Рано судить. Поскольку мы с Толлем условились, что мыс Эммы – одна из реперных точек нашего предприятия, там они и должны были оставить знак о себе.

– Но на месте их лагеря на юге ничего нет.

– Таких договоренностей не было.

Жёсткая борода Колчака, казалось, совершенно не дрожала на сильном ветру. Тяжелыми шагами он отмерял эту тундру, не переставая удивляться её величию. Эта земля не прощает даже малейших ошибок. Но известно ли ему самому, не совершил ли такую он сам?

На скалистом северо-западном берегу острова действительно оказались следы ещё одной стоянки, а среди камней и бутылка с запиской, ожидавшая больше года своих адресатов.

Колчак стоял лицом к воде, внимательно её изучая. Иньков заглянул ему через плечо. Лейтенант вопрос опередил:

– Готовились к зимовке. Значит, должны были заготовить мясо. Но успели ли до ухода оленей?

– Так может и медведя свалили, а? Гляньте, тут и карта имеется.

– Это не так просто.

Общим собранием было решено продолжить движение к юго-восточной оконечности острова в противоположном направлении. Дорога оказалась осилена лишь к ночи. Здесь обнаружилась ещё одна записка, сохранённая аналогичным способом.

– Двадцать шестое октября, – зачитывал её другим членам миссии Колчак. – Президенту Императорской академии наук...

Далее шли объёмные научные заключения и заметки. В конце приписано, что запасов провизии группа из четырёх человек имеет максимум на три недели. Уходят на материк. Александр Васильевич никак не мог понять, почему был отвергнут вариант зимовки на острове.

– Я, конечно, лично с Толлем знаком не был, – предположил Бегичев, – но по моему мнению, он слишком рассчитывал на то, что вы вернётесь, и занимался своей непосредственной работой, а когда осознал, что надежда напрасна, было уже поздно – животные ушли, охотиться не на кого, еда и топливо для добывания пресной воды кончаются. Напомните, почему ваша «Заря» не пришла?

– Лёд, – сухо и с горечью в голосе ответил Колчак.

Пока другие члены группы разбирали оставленные здесь бароном инструменты, ход тяжёлых мыслей офицера нарушил голос Инькова:

– Кажись, у этого мыса ещё нет имени?

– А нужно? – пробормотал Александр Васильевич.

– Ну как? У всего должно быть имя.

– Пускай будет мыс Софьи, – отмахнулся Колчак.

– Вашей Софьи-то?

– Пускай будет моей.

На карте оставалась помеченной так называемая поварня – летнее убежище, нежилая изба, наспех сооружаемая как временное место пребывания. Ситуация вынуждала идти на север. После ночёвки Колчак решил, что возьмёт с собой только двоих – Бегичева и Инькова, а остальных отставит здесь, на вновь наречённом месте. Впереди лишь два ледника, но перейти их проще, чем огибать с запада.

Первый ледник миновали очень легко. Заснеженная шапка оказалась ровной, без протаявших лощин. После обеда погода ухудшилась, задул сильнейший ветер, который поднимал с земли тяжёлую пыль, завывал в складках капора и между камней. Небо чернело.

Следующий ледник был выше и круче, вынуждая выискивать уступы. Бегичев чуть не сорвался и не покатился по скользкому склону. Более юркий Иньков быстро его подхватил. Вершина на первый взгляд путникам показалась абсолютно ровной – лёгкие три версты до поварни, но буквально через несколько минут они упёрлись в берег арктического ручья, который природа основательно упрятала между глыбами. Ручей оказался очень длинным, и Иньков предложил прыгать:

– А чего? Противоположный берег-то видите – ниже? Всего пара метров. Да и тот край над ручьём совсем низко, гляньте!

Он же первым и вызвался подать пример. Юность позволила исполнить прыжок максимально ловко. Колчак и Бегичев были ниже его ростом и на порядок старше – им шёл двадцать девятый и тридцатый год. Александр Васильевич пропустил своего коллегу вперёд, и даже на

секунду успел пожалеть о том, что поддался на легкомысленное предложение этого юнца – Бегичев чудом угодил на самый край, едва удержав равновесие. Иньков подстраховал его и в этот раз.

Настала очередь Колчака. Отойдя чуть подальше, чтобы взять разгон, он рывком кинулся вперёд, но на последнем шаге перед расщелиной поскользнулся, правая нога ушла чуть назад. Прыжок оказался коротким. Лейтенант, ударившись об лёд, ухватился руками за острый край левого берега, но буквально через секунду, ещё до того, как Бегичев успел его схватить, сорвался вниз в ледяную воду.

Тысячи кинжалов моментально вонзились в тело, дышать стало нечем. Ещё через мгновение он полностью скрылся в потоке. Течение медленно, но верно, понесло его на восток. Через десяток секунд, в ярде от места падения, где берег был уже чуть ниже и имелся небольшой уступочек, анорак Колчака показался на поверхность. Бегичев в то же мгновение кинулся, коротким прыжком спустился ближе к воде и ухватился за неё. Иньков же схватился за спасителя, и совместными усилиями им удалось вытащить офицера из воды.

К тому моменту Колчак потерял сознание. Бегичев в минуту передел его в своё сменное бельё, понимая всю опасность холодных компрессов в такую погоду, но Александр Васильевич в себя не приходил. Только раскуренная трубка, поднесённая к губам, оживила его.

– Ну и испугали вы нас, Александр Васильевич, – истерически улыбнувшись, съязвил Иньков.

– Может быть, вам с Ванькой обратно вернуться? А я сам как-нибудь? А, Александр Васильевич? – взмолился Бегичев.

– Исключено, – хрипел Колчак. – Тут пара вёрст, а тебе ещё одному возвращаться потом. Нет, дойдём все.

– Запаслись вы ревматизмом на старости лет, – качал головой боцман.

Поварня располагалась у северо-восточного мыса острова, за большой отвесной скалой, прямо в устье небольшой безымянной речки. Скалу пришлось обходить. Шли медленнее, насколько позволяло состояние Колчака. Суставы болели, каждый шаг был неприятен, плечи пробирала дрожь.

Поварня представляла собой собранную из плавника низкую избушку, немного наклонённую к западу. Едва приоткрыв дверцу, Колчак отшатнулся назад, в ужасе выдавив из себя лишь одну фразу:

– Они умерли.

4.

Бездушная вереница экспресса «Париж – Владивосток» стучала колёсами по перетруженным рельсам Великого Сибирского пути, покрывавшего расстояние от Москвы до Владивостока, и на этом расстоянии прерывавшегося лишь единожды – в районе Иркутска, в который спешили Василий Иванович Колчак, заметно постаревший, поправившийся, с большой залысиной, и Софья Омирова. Спешили на венчание, которое должно было состояться в начале марта одна тысяча девятьсот четвертого года в Харлампиевской церкви столицы Восточной Сибири. Софья Федоровна была одновременно и рада, и расстроена обстоятельствам предстоящего праздника. Из Якутска, куда Александр Васильевич прибыл в самом конце января, он писал ей, что вынужден просить у начальства возможности откомандировать его в Порт-Артур, оказавшийся в центре событий Русско-Японской войны. Для молодого офицера это была возможность продвинуться по службе, прославиться, получить бесценный опыт. Колчак преследовал немного иные цели, рассматривая любой военный конфликт России как праведный, и прежде всего желая отстоять честь Родины. Позднее он написал о том, что его ходатайство удовлетворено, а потому, дабы не откладывать свадьбу ещё раз, настоял на том, чтобы про-

вести церемонию в Иркутске, откуда ему предстояло отправиться на Дальний Восток, и куда теперь спешил и сам.

Якутск в эти годы был совершенно небольшим низким городком, и страшно представить, что являлся главенствующим на такой колоссальной территории. Более того, он имел даже определённый столичный лоск, насколько это позволительно полностью отрезанному в теплое время года от мира населённому пункту. Здесь работал телеграф – непозволительная роскошь, которой Камчатка добивалась ещё долго. Между Иркутском и Якутском две тысячи километров пути на лошадях, местами по Сибирскому тракту, местами просто по протоптаным вдоль притоков реки Лены направлениям. Летом преодолеть эти расстояния практически невозможно, поэтому разумные путники ждали наста.

Колчаку ждать не пришлось – стоял февраль, самый холодный в этих краях месяц. Ночевали на санях под шерстяными накидками, движение начинали на заре. Сейчас сложно представить, что такой сравнительно небольшой путь мог стоить целого месяца человеческой жизни. Впрочем, здесь не особенно ценной.

Иркутск показался на горизонте утром двадцать седьмого февраля. Величественная Ангара, в одиночку компенсировавшая весь годовой приток древнего озера, дышала огромными чёрными поляньями. Здесь было и обилие каменных домов, и мощённых улиц, и стабильная связь с остальными городами державы. Предстояло сдать все дела и устроить своих путников. Венчание Колчак назначил на пятое марта, со дня на день ожидая прибытия своей невесты, темноволосой статной аристократки.

Харлампиевская морская церковь была хорошо знакома Колчаку – тут его благословляли на предприятие, из которого он имел счастье вернуться живым и почти невредимым. Беспокоили мысли о том, что так и не удалось отыскать никого из миссии барона Толля – то, что в поварне он принял за замёрзшие тела, оказалось лишь обледеневшими инструментами и полубубками.

5.

Город Дальний уже не прельщал роскошью своих теннисных кортов, а Порт-Артур вкруг ошетинился тяжёлыми артиллерийскими батареями. Если у России всего два союзника – армия и флот, то столько же и врагов – безалаберность и лень. Ещё в начале войны выяснилось, что снаряды для новейших пушек, нацеленных сейчас в Восточно-Китайское море, лежали на складах Владивостока, вместо тех, нужных самой городской крепости, уехавших по КВЖД – Китайско-Восточной железной дороге – на юг. Командование покорно дождалось, пока японцы перекроют все доступные пути для сообщения Порт-Артура и Дальнего с Россией, так и не исправив этой ошибки.

Александр Васильевич вышагнул на перрон города-крепости восемнадцатого марта одна тысяча девятьсот четвертого года. Первое же, что он сделал – это встретился со Степаном Осиповичем Макаровым, адмиралом и знаменитым полярником, к которому не раз набивался в попутчики в его арктических странствиях, и доподлинно считал своим учителем, сейчас являвшимся главкомом Тихоокеанской эскадры, ушедшей сюда из Владивостока. Офицеров познакомил Кронштадт, а теперь они стояли здесь, возле его рабочего стола, за десяток тысяч вёрст от Финского залива.

– Александр Васильевич, ну поймите же вы, голубчик. Это никак невозможно.

– Степан Осипович, и вы меня поймите, пожалуйста, тоже. Штабная работа меня утомляет. Я и не за тем сюда приехал. Поверьте, в Петербурге сейчас намного комфортнее.

Адмирал, поглаживая седую длинную бороду, всматривался в ровные ряды миноносцев и крейсеров, настороженно спавших в незамерзающей гавани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.